

ВЕРА СЛИПЕЦКАЯ

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ: АРХАИЧЕСКИЕ И ИННОВАЦИОННЫЕ СРЕДСТВА

Studia Rossica Posnaniensia 39, 323-330

2014

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ: АРХАИЧЕСКИЕ И ИННОВАЦИОННЫЕ СРЕДСТВА

VERBALIZING NEGATIVE EMOTIONS BY USING ARCHAIC AND INNOVATIVE MEANS

ВЕРА СЛИПЕЦКАЯ

ABSTRACT. The article focuses on the topic of verbalizing negative emotions. It also deals with certain manifestations of a new communicative behavior, the formation of a new Russian language personality that shows inclination for conflict communication style, new speech standards: excessive use of borrowings, vulgarisms, unnatural interjections as well as tonality, and a special manifestation of the so-called "phonetics and grammar of emotions".

Вера Слипецкая, Дрогобычский государственный педагогический университет имени Ивана Франко, Дрогобыч – Украина.

В современном обществе прослеживается этническая, политическая, экономическая напряженность, проявляющаяся в отношениях власти и народа, разных народов между собой, а также в межличностных взаимоотношениях людей. Это выражается в чрезмерном проявлении человеческих эмоций, среди которых доминируют эмоции отрицательные. Они вербализуются вследствие возникновения конфликтных ситуаций, своеобразно реализуясь в современном коммуникативном пространстве.

Все сказанное аргументирует актуальность исследований, посвященных изучению особенностей репрезентации эмоций, лингвофило-софской категории оценки. В современном языкознании указанные аспекты последовательно и всесторонне разрабатывают такие ученые, как А. Вежбицкая, В. Жельвис, А. Загнитко, В. Карасик, Т. Космеда, В. Крысин, Ю. Сорокин, И. Стернин, В. Шаховский и др., в частности А. Вежбицкая исследовала специфику вербализации эмоции гнева, жалости и др. на материале немецкого, русского, польского и английского языков¹, а другие из перечисленных исследователей производили анализ на материале русского или украинского языков.

¹ См: А. Вежбицкая, *Язык. Культура. Познание*, Москва 1996.

„Современная наука, – как отмечает В. Шаховский, – обладает достаточным количеством знаний, а дискурсивная практика подтверждает, что человек не только *Homo sapiens*, но и *Homo sentiens*, поскольку многими его действиями руководят эмоции”². Некоторые ученые выдвигают даже гипотезу о том, что вербальная коммуникация первично была представлена в виде некоего эмоционального образа, который, вероятно, в процессе порождения мысли первично актуализировался в эмоционально-оценочном компоненте значения (А. Бине, Р. Браун, К. Изард, В. Шаховский). Таким образом, можно утверждать, что вербальную коммуникацию всегда сопровождает эмоциональная коммуникация, что обе они проявляются в единстве.

Отметим также, что каждая лингвокультура, без сомнения, является уникальной, оригинальной, единственной в своем роде. И эта уникальность специфически представлена в вербально-дискурсивной форме, прежде всего в аспекте репрезентации эмоций. Специфическая оригинальность или уникальность предопределяет и выбор соответствующих языковых средств, контактов, и выбор способа соответствующих противодействий или противостояний этим контактам, поскольку за этим выбором скрываются вербально-дискурсивные праформы, которые не совпадают в лингвокультурных сообществах, что приводит к узуальной вариативности вербального и невербального поведения, потенциальной конфликтности, поскольку варианты праформ являются фильтрами, через которые „просеиваются” мотивы, аффективно-эмотивная и когнитивная установки³. Праформам противостоят и новые проявления вербализации эмоций, на сегодня должным образом неисследованные.

Цель этого научного разыскания – рассмотреть некоторые тенденции вербализации эмоций в современном коммуникативном пространстве, что способствует выработке новых коммуникативных стандартов, речевых норм, приводит к изменению коммуникативной эмоциональной компетенции языковых личностей, трансформации их речевого портрета.

Психологи утверждают, что эмоции практически не выражаются в изолированном виде, вне языка: они вербализируются, как правило, совокупно, включая, например, группу эмоций гнева – недовольство, раздражение, возмущение, ненависть, ярость, негодование (К. Изард).

² В.И. Шаховский, *Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология*, Москва 2010, с. 7.

³ См.: Ю.А. Сорокин, *Человек говорящий в его модусах и отношениях (обзор-дискуссия)*, [в:] *Массовая культура на рубеже XX–XXI веков. Человек и его дискурс. Сборник научных трудов*, под ред. Ю.А. Сорокина, М.Р. Желтухиной, Москва 2003, с. 16.

Как известно, специфическим признаком системности в процессе категоризации эмоций является, как известно, их бивалентность, например, любовь и ненависть могут овладеть человеком одновременно, что подтверждается большим количеством примеров из коммуникативных ситуаций. Полярность в соотношении эмоций по типу оценки (*положительная/отрицательная*) отражена прежде всего в лексической системе языка как в сфере номинации эмоций (*любовь/ненависть*), так и в сфере их выражения (*замечательный/ужасный*).

На сегодня уже доказано, что с помощью языка человек может не только описывать, называть и выражать свои эмоции, но и скрывать их, имитировать, симулировать и под. Эмоции можно измерять по параметрам интенсивности их проявления, их силы, продолжительности, искренности и др., что выражается определенными лексическими, словообразовательными, грамматическими и фонетическими языковыми средствами. Известно также, что сфера сознания, охваченная эмоциями, количественно выражается тремя измерениями: *удовольствие – неудовольствие, расслабление – напряжение, спокойствие – возбуждение*. Эти параметры В. Шаховский называет осями, на которых фиксируется эмоциональный опыт человека⁴.

Проблемы, связанные с человеческими эмоциями, имеют давнюю традицию исследования. В соответствии с многочисленными концепциями эмоции рассматриваются как многомерное явление. Известно также, что люди моделировали соответствующие словесные формулы, словесные комплексы, позволяющие говорящему избавиться от энергетического напряжения, „сбросить” эмоции, прежде всего отрицательные.

Специфическая энергия, необходимая для инстинктивных действий, как отмечают современные исследователи, постоянно накапливается в нервных центрах, а при накоплении достаточного количество этой энергии может произойти взрыв, даже при полном отсутствии раздражителя. Разъясняя возможные случаи негативного выброса эмоций, К. Лоренц использует понятие „переориентация” агрессии (термин Н. Тинбергена), размышляя о том, что такие действия, как *битье посуды, размахивание руками, порча мебели*, – это уникальные способы изменения направления действия или ориентации агрессии, известные и используемые человечеством с древних времен⁵. В языкознании существует мнение и о том, что проявление эмоций определяет своеобразный стиль мышления человека и его специфику моделирования его речи.

⁴ См.: В.И. Шаховский, указ. соч., с. 11.

⁵ Там же.

Сегодня никто уже не сомневается, что человеческая агрессия – это явление мирового масштаба. В настоящее время, как представляется, нет общества, в котором бы в какой-либо степени не проявлялась агрессия, однако реализация агрессии имеет, как совершенно справедливо отмечают современные исследователи, и межкультурные отличия, выражаемые прежде всего в возможностях ее репрезентации. З. Фрейд убедительно доказал, что человек не может длительное время сдерживать свою агрессию, раздражение, гнев, ярость, бешенство, держать их под контролем. Осознавая опасность агрессии, каждое общество стремится направить ее в безопасное русло и вырабатывает для этого специальные средства, планирует соответствующие вербальные действия. Среди эффективных языковых средств выделяют инвективы, а также междометия, эмоционально-усилительные наречия, прилагательные и под.

Экспериментально доказано, что психика, сознание, мышление и речь тесно взаимосвязаны и что в каждом языке есть эмотивные знаки, с помощью которых вербализуется, т. е. отражается и выражается, эмоциональное отношение человека к окружающей среде и к себе. В современной науке для этого даже выработан термин „эмоциональный интеллект“, т.е. способность человека управлять своими эмоциями в каждой конкретной ситуации.

Базовые эмоции, как известно, являются универсальными, их различают все этнокультуры, однако различаются и формы их проявления. Собственно ментальность русских, украинцев и создала проклятие как специфическую форму для вербализации отрицательных эмоций, о чем уже неоднократно отмечала автор данной статьи⁶.

Проявление эмоций зависит не только от этнической принадлежности, но и от возраста, пола, социального статуса говорящего, уровня образованности и других социальных факторов. Формы проявления эмоций со временем меняются, в частности для снятия агрессии украинцы и русские издавна использовали речевую формулу проклятия. Их считали соответствующими стереотипами, использующимися в ситуациях проявления негативных эмоций с разной степенью интенсивности, силы. Проклятие относится к очень эффективным формам снятия эмоционального напряжения – это специальное выражение, паремия, которая наполнена исключительно прагматической информацией, средство, которое используется с целью нейтрализации отрицательных эмоций, но иногда направлено и на их порождение. Все эмоции дискурсивны, а для их репрезентации прежде всего используют дискурсивные слова или выражения. Таким образом, проклятие имеет

⁶ См.: В. С л и п е ц к а, *Прокляття як засіб репрезентації негативної комунікації*, [в:] *Лінгвістичні дослідження. Збірник наукових праць*, Харків 2011, с. 236–240.

статус дискурсивного выражения, например: *Тому лопни глаз, кто не любит нас!*⁷; *Майся до первой смерти!*⁸; *Пропадай он весь и с начинкою и потрохами!*⁹; *А допуст божий би на тебе впав!*¹⁰; *Щоб тебе качка копнула!*¹¹; *Йди в погану годину!*¹².

Однако в современной речи русских и украинцев языковые единицы этого типа, к сожалению, используются все реже. Их вытеснили инвективы, мат, грубая лексика, выражающаяся в речи молодого поколения и являющаяся неотъемлемой единицей сленга. Сегодня прослеживается наличие большого количества специализированных словарей эмоциональной (нецензурной) лексики, толковые словари также содержат инвективы, художественная литература, театр, телевидение сняли табу на использование вербальной агрессии как способа самовыражения личности.

По мнению В. Жельвиса,

инвектива – это осознанно грубое нарушение социальных запретов, вызванное необходимостью нейтрализации психологического напряжения. Можно искать и другие способы выхода негативной энергии, но вербализация агрессивных эмоций, без сомнения, сохранится в обществе, хотя, возможно, и сможет обрести другие формы¹³.

Отметим также, что ученые давно заметили закономерность: эмоций с отрицательной оценочной семантикой в словарях разных языков в количественном отношении больше, чем с положительной, однако, как отмечает В. Шаховский, употребляются они в процессе общения несколько реже. Это позволяет сделать вывод о том, что эмоциональные системы различных народов и культур одинаковы: негатив, преобладающий в их лексиконе, „пропускает вперед” позитивность в процессе употребления и синтагматического комбинирования, что объясняется универсальным психологическим стремлением человечества к взаимопониманию в общении.

Еще одна закономерность, проявляющаяся в процессе сравнения разных лингвокультур, заключается в том, что

⁷ В.И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*, режим доступа: <http://slovardalia.net>, с. 690.

⁸ Там же, с. 809.

⁹ Там же, с. 1293.

¹⁰ І.Я. Франко, *Галицько-руські народні приповідки: у 3 т.*, зібрав, упорядкував і пояснив д-р. І. Франко, т. 2, Львів 2006, с. 44.

¹¹ Там же, с. 327.

¹² Там же.

¹³ См. об этом: В.И. Жельвис, *Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия*, Ярославль 1990.

положительные эмоции большинство народов выражает одинаково и вместе с тем более диффузно, чем эмоции негативные, которые всегда конкретны, четко очерчены и многолики¹⁴.

Однако анализ современного коммуникативного пространства несколько опровергает такое утверждение.

Отрицательные эмоции у человека возникают прежде всего благодаря актуализации ощущений неизвестности или нестабильности, что и характерно для нынешнего русского и украинского обществ. Подобные ситуации преимущественно мотивируют актуализацию эмоций страха, ужаса, беспокойства, например: *Леший бы тебя задиль!*¹⁵; *Лихо тому, кто неправду творить кому!*¹⁶; *А щоб ти не дждався ночі!*¹⁷; *Щоб твоім духом тут не пахло!*¹⁸; *А кусав би тебе кремень!*¹⁹.

Эмоции – это разновидности человеческих страстей, пронизывающие все сферы его жизни и проявляющиеся на всех уровнях языка, поэтому не только лексика языка, но и фонетика, и грамматика также обладают эмоциональными обертонами. „Грамматика эмоций” разрабатывает вопросы „эмоционального синтаксиса” и „эмоциональной морфологии” (аффиксация, грамматические формы слов в тексте)²⁰. „Фонетика эмоций” изучает эмоциональную интонацию, которая реализует не только коммуникативную, но и эмоциональную функцию. Известно, что интонация отражает культуру и эксплицирует образованность и воспитанность говорящих. Она выражает все оттенки настроения и эмоциональных состояний, является носителем коммуникативных смыслов и средством психологического воздействия на человека. С ее помощью можно создавать образы. Не вызывает никакого сомнения тезис об идентификации нации через язык и через национальные интонации (ср. интонацию китайского или русского языков, испанского и грузинского, украинского и итальянского). Аргументом в пользу этого тезиса является то, что и интонации меняются „на наших глазах”. Данный тезис касается, например, речи дикторов, телеведущих, которая деформируется под влиянием американской интонационной речевой нормы. Очевидно, это негативный процесс, наблюдающийся в становлении новой фонетической нормы. Он влияет и на эмотивную компетенцию языковых личностей в украинском обществе.

¹⁴ В.И. Шаховский, указ. соч., с. 18.

¹⁵ В.И. Даль, указ. соч., с. 725.

¹⁶ Там же, с. 1376.

¹⁷ І.Я. Франко, указ. соч., с. 34.

¹⁸ Там же, с. 102.

¹⁹ Там же, с. 441.

²⁰ См.: О.Е. Филимонова, *Язык и эмоции в английском языке. Когнитивный и коммуникативный аспекты*, Санкт-Петербург 2001.

В метаязык современной коммуникативной лингвистики справедливо введен термин „эмотивная компетенция” языковых личностей, которая проявляется в их умении порождать в соответствующих дискурсивных практиках эмотивно корректные тексты; критерием эмоциональности и общественной зрелости каждой языковой личности, очевидно, может служить способность адекватно воспринимать личностные, эмоциональные доминанты чужих текстов, дискурсов, другими словами, способность к отражению концептосфер других личностей и других культур²¹.

Составной коммуникативной эмотивной компетенции является эмоциональный дейксис – это исходная эмоциональная позиция субъекта речи, которая создается в результате взаимодействия таких параметров, как эмотивная интенция, модальность, направленность эмоций, тональность. Комбинирование различных значений параметров эмоционального дейксиса предопределяет существование эмотивных высказываний, специфических для каждой из таких комбинаций, и позволяет выделить отличия в речевом поведении языковых личностей²².

В процессе моделирования портрета русской и украинской языковой личности следует актуализировать два подхода – диахронический и синхронический. Портреты будут разными собственно и благодаря различиям в формах вербализации эмоций. Наши современники уже не вербализируют свои повседневные эмоции привычными возгласами типа: *Матушка! Батюшка! Простите!* и под. Зато слышим: *Упс! Окей! Сорри! Ував! Вау! Ауч!* (эти междометия образованы от соответствующих английских: *Oops! O'K! Sorry! Wow! Ouch!*). Приведенные заимствованные междометия не соответствуют фонетическим нормам русского и украинского языков, но они все равно активно используются в современной речи, особенно среди молодежи. Вместо удельных русских слов-оценок типа *хороший, добрый, замечательный, прекрасный* слышим *супер, класс* или *классный, круто* либо *крутой, кул* и под. (от английских *Super! Cool!*). Все это сопровождается чужими невербальными средствами – жестами, постановкой осанки, движениями и под.

Прослеживаем еще одну тенденцию, проявляющуюся в современном коммуникативном пространстве, – представление гендерных коммуникативных особенностей. Женщины стремятся показать себя „более совершенными”, лучше, чем они являются на самом деле. В данном случае речь идет о чрезмерной манерности их поведения. Понятие манерности, неискренности, напыщенности граничит с понятием кокетства. Женщины обычно стараются произвести хорошее впечатление: для этого они иногда пытаются унизить собеседника, что также

²¹ В.И. Шаховский, указ. соч., с. 23.

²² Там же.

приводит к проявлению признаков конфликтной коммуникации, накоплению отрицательных эмоций. Украинцы и русские используют и гендерную специфику британской гиперкорректности произношения: женщины стараются говорить как можно более четко, а мужчины – как можно типе²³.

В украинском и русском коммуникативном пространстве распространено выражение, которое используют преимущественно женщины для описания поведения или внешности манерного человека – взрослого или ребенка: „Ути-пути-пути!“ . Языковой статус этой единицы не считают устоявшимся. Это такое же звукоподражательное слово, как, например, „хрясь!“, но оно содержит презрительную тональность²⁴.

Вследствие проделанного анализа приходим к выводу, что методика описания современного коммуникативного пространства должна базироваться на последовательной характеристике актуализированных, аксиологически маркированных вербальных средств, которые представляют такие принципы, как экономия и эмфаза, мелиоративность и пейоративность, эвфемизации и табуирование, аффективность и эффективность, что является ничем иным, как конкретизацией постулатов Грайса и Лича²⁵.

Таким образом, речевое поведение – это, безусловно, осознанная и неосознанная система поступков, раскрывающих характер и образ человека, а ментальные стереотипы – это определенные установки и привычные реакции, приобретаемые языковыми и неязыковыми формами и характеризующие языковую личность. Если стереотипы доминируют, то они характеризуют языковой коллектив или даже всю лингвокультуру определенного сообщества. В современных русских и украинских лингвокультурах, в их коммуникативном пространстве прослеживается формирование вульгарной языковой личности, исчезновение позитивной коммуникативной эмоциональной компетенции, языкового чутья как системы неосознанных оценок, отражающих языковые идеалы и языковой вкус нации – систему установок человека, речевого коллектива в целом относительно языка и речи и их проявления в современном коммуникативном пространстве. Возможно, необходимо возрождать соответствующие национальные стереотипы коммуникативного поведения с привлечением в речь соответствующих национальных языковых формул для воспитания людей с новым „эмоциональным интеллектом“. Изучение этого вопроса и составляет перспективу данной работы.

²³ В.И. Карасик, *Речевое поведение и типы языковых личностей*, [в:] *Массовая культура на рубеже XX–XXI веков...*, указ. соч., с. 36.

²⁴ Там же, с. 43.

²⁵ Ю.А. Сорокин, указ. соч., с. 10.